П. В. Шейнъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
НОСОВИЧЪ.

(Краткій біографическій очеркъ).

(посмертный)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

П. В. Шейнъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
НОСОВИЧЪ.

(Краткій біографическій очеркъ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1900 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900), кн. 3, стран. 956 — 968.

И. И. Носовичъ.

(Род. 1788 † 25 іюля 1877).

(КРАТКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Грустно и больно становится на душѣ, когда подумаешь, какъ равнодушно наше общество нерѣдко относится къ потерямъ тружениковъ науки, дѣятельность которыхъ небезплодно проходила предъ его глазами и на его же пользу, а еще грустнѣе то, что это равнодушіе лишаетъ людей дорожащихъ наукою возможности узнать во-время о выбытіи изъ ихъ рядовъ достойныхъ дѣятелей на разрабатываемой ими нивѣ и помянуть этихъ дѣятелей добрымъ словомъ и оцѣнкою ихъ трудовъ, въ назиданіе живущему и грядущимъ молодымъ поколѣніямъ.

Изъ многихъ подобныхъ примѣровъ приведемъ на этотъ разъ одинъ, но весьма поучительный.

Въ 1877 г. въ г. Мстиславлѣ (Могилевской губерніи) умеръ извѣстный бѣлорусскій этнографъ И. И. Носовичъ и никто изъ русскихъ просвѣщенныхъ жителей, какъ этого города, такъ и изъ подгородныхъ православныхъ помѣщиковъ,—въ числѣ которыхъ были и отставные профессора университета,—не нашелъ нужнымъ взять на себя трудъ сообщить хотя въ немногихъ строкахъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о кончинѣ такого заслуженнаго труженика русской науки. Поэтому и слухъ объ этой для нея потерѣ не дошелъ до столицъ и ихъ органовъ пе-

чати, такъ что ни Академія Наукъ, ни Географическое Общество, въ трудахъ которыхъ покойный этнографъ принималъ дѣятельное участіе, ничего не знали въ 1877 году о томъ, существуетъ ли еще на свѣтѣ И. И. Носовичъ? Съ такимъ именно вопросомъ осенью помянутаго года, во время моихъ разъѣздовъ по Бѣлоруссіи по порученію II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, обратился ко мнѣ покойный предсѣдатель его, Я. К. Гротъ. А такъ какъ жизнь и дѣятельность Носовича меня самого и давно очень интересовали, то запросъ незабвеннаго для меня академика еще болѣе усилилъ во мнѣ желаніе собрать, какъ можно болѣе достовѣрныхъ для біографіи нашего этнографа данныхъ, которыя въ одно и тоже время могли бы удовлетворить мою собственную любознательность и послужить посильнымъ отвѣтомъ на заданный запросъ.

Долго всѣ мои направленные къ этой цѣли поиски оставались безуспѣшными. Наконецъ лѣтомъ 1878 года, во время моего лѣченія въ Кеммернѣ, я неожиданно встрѣтился съ однимъ изъ сыновей покойнаго Носовича, состоявшимъ тогда директоромъ Слуцкой гимназіи, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ прежде, во время моей службы въ Витебской гимназіи. Первый же вопросъ мой ему былъ объ его отцѣ. Какъ же я былъ удивленъ, когда онъ въ отвѣтъ мнѣ сказалъ, что почтенный его родитель скончался еще въ 1877 г. Когда же я сталъ его упрекать, что до сихъ поръ никто изъ сыновей такого почтеннаго отца не позаботился сообщить въ какой-либо газетѣ о его смерти, то мой, нѣсколько сконфуженный собесѣдникъ сталъ оправдываться какими-то семейными обстоятельствами и службой. Такъ на этотъ разъ нашъ разговоръ кончился ничѣмъ. На слѣдующее лѣто я снова встрѣтился съ В. И. Носовичемъ въ томъ же Кеммернѣ и опять приступилъ къ нему съ тѣми же напоминаніями; но и въ этотъ разъ мой собесѣдникъ выставилъ мнѣ на видъ тѣ-же фатальныя домашнія обстоятельства. Съ тѣхъ поръ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не отставалъ отъ него, все докучая ему письмами объ одномъ и томъ же. Наконецъ въ 1885 г. я

получилъ отъ него нѣкоторыя данныя для краткаго очерка жизни и дѣятельности почтеннаго его родителя. Эти весьма скудныя данныя онъ, согласно предложеннымъ ему мною вопросамъ въ скоромъ времени пополнилъ новыми, почерпнутыми частью изъ автобіографическихъ записокъ своего отца, частью же изъ личныхъ его воспоминаній о немъ.

Всѣ эти данныя, предоставленныя моимъ почтеннымъ корреспондентомъ въ полное мое распоряженіе, я предлагаю ихъ здѣсь въ нѣсколько измѣненной формѣ.

Иванъ Ивановичъ Носовичъ родился въ 1788 году въ селѣ Грезивцѣ, Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи, въ православный семьѣ причетника, который въ послѣдствіи былъ рукоположенъ во священники. Дѣдъ Ивана Ивановича, Григорій, еще въ дѣтствѣ, подъ владычествомъ Рѣчи Посполитой, закабаленный изъ священническихъ дѣтей въ крѣпостные Кадинскаго помѣщика Попѣя, долженъ былъ жить среди простыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ и потому весьма естественно, что онъ говорилъ ихъ языкомъ, жилъ по ихъ обычаямъ и привычкамъ. Но постоянно помня свое происхожденіе, свое духовное званіе, онъ, достигши юношескаго возраста и не смотря на всевозможныя препятствія, началъ стремиться къ изученію церковной грамоты, въ чемъ онъ въ скоромъ времени успѣлъ до такой степени, что наконецъ былъ назначенъ дьячкомъ въ село Долгій Мохъ, откуда впослѣдствіи былъ переведенъ въ Грезивецъ, гдѣ и окончилъ свою жизнь. Не удивительно, что и сынъ такого энергичнаго въ стремленіи къ просвѣщенію отца былъ не менѣе расположенъ къ грамотѣ, къ наукамъ, къ бѣлорусской рѣчи, на которой онъ выросъ, къ обычаямъ, окружавшей его съ дѣтства крестьянской среды. «По разсказамъ покойнаго моего отца», говоритъ Василій Ивановичъ Носовичъ, «его отецъ, Иванъ Григорьевичъ, хотя и вышелъ изъ Могилевской семинаріи дьячкомъ (такъ какъ вслѣдствіе смерти своего отца не могъ окончить полнаго курса ученія) и поступилъ на дьячковское мѣсто своего родителя въ Грезивцѣ, тѣмъ не менѣе онъ любилъ науки, что̀

видно будетъ изъ дальнѣйшихъ моихъ сообщеній. Здѣсь, въ Грезивцѣ, онъ и женился на дочери священника мѣстечка Рясны (Чериковскаго уѣзда), Аглаѣ Андреевнѣ Ходкевичъ. Здѣсь и родился мой отецъ. Мать моего отца, по его словамъ, была женщина добродѣтельная, воспитанная въ страхѣ Божіемъ и притомъ умная». «Отецъ нашъ», говоритъ въ своей автобіографіи Иванъ Ивановичъ, «получившій основательное начало въ наукахъ, самъ принялся учить насъ грамотѣ, когда мнѣ было пять лѣтъ, а брату шесть съ половиною. Я всегда съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы моего отца изъ Священной исторіи. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, я уже читалъ славянскую и русскую печать. Отецъ нашъ былъ строгій и взыскательный педагогъ. Каждая наша шалость не оставалась безъ справедливаго наказанія, но наказаніе его всегда было стоическое, съ хладнокровіемъ, безъ всякой запальчивости и заносчивости, если только онъ не былъ выведенъ изъ терпѣнія непокорностью непреклонной его волѣ или сопротивленіемъ его наказанію. Онъ требовалъ безпрекословной, абсолютной покорности. Моя покорность смягчила отцово сердце такъ, что я отъ руки его получалъ только по три удара, а въ случаѣ важной вины — не болѣ пяти. Чтобы примѣромъ моимъ научить старшаго брата быть покорнымъ и терпѣливымъ, отецъ, при наказаніи начиналъ съ меня, по бѣлорусской пословицѣ: «оўцу стригуць, а ты, баранъ, дзивись». Но примѣръ не дѣйствовалъ на брата, онъ не перемѣнилъ своей методы упрашиванья, почитая мою покорность лукавствомъ. Читателю поступки нашего отца съ нами, можетъ быть, покажутся жестокими, но я благоговѣю передъ ними, ибо они устремлены были на то, чтобы пріучить насъ къ готовности терпѣливо переносить всякіе случающіеся въ жизни удары судьбы. Я помню незабвенныя его слова: «Если ты не хочешь перенести отеческія наказанія, то, что будетъ, когда *тя препояшетъ?*» Отецъ былъ весьма трудолюбивъ, почему, держа въ хорошемъ порядкѣ свое сельское хозяйство и съ успѣхомъ обрабатывая свою дьячковскую часть земли, жилъ въ довольствѣ. Сверхъ того онъ былъ хорошій рыболовъ и опыт-

ный садовникъ. Имѣя прекрасный почеркъ, что̀ въ тогдашнія времена было рѣдкостью, онъ имѣлъ порядочный доходъ отъ письмоводительства по имѣнію — въ какой-то близкой къ Грезивцу конторѣ. Это доказываетъ, что онъ былъ неутомимъ въ трудахъ. При разнообразныхъ своихъ занятіяхъ отецъ, такъ какъ самъ нѣкогда воспитывался въ нововозведенной духовной семинаріи, успѣлъ утверждать и насъ въ правильномъ чтеніи и письмѣ *по-латынски* и русски и, преподавая намъ начальныя познанія латынскаго языка, приготовилъ насъ къ поступленію въ семинарію, усовершенствованную по возможности средствъ святителемъ Георгіемъ Конисскимъ, и приготовилъ такъ, что будучи неполныхъ десяти лѣтъ, отчетливо зналъ склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и спряженіе всѣхъ глаголовъ, даже неправильныхъ, зналъ части рѣчи и различіе ихъ. Когда отецъ въ 1798 г. представилъ насъ въ могилевскую семинарію, то всѣ ученики высшихъ классовъ, окруживъ насъ, давали намъ этимологическіе вопросы и, получая на нихъ удовлетворительные отвѣты, смотрѣли на насъ, какъ на какое то чудо». «Когда отецъ мой»,— продолжаетъ В. И. Носовичъ, «со своимъ старшимъ братомъ учился въ семинаріи, то дѣдушка нашъ, Иванъ Григорьевичъ, былъ рукоположенъ преосвященнымъ Григоріемъ Конисскимъ во священники Вольмірской церкви (Чериковскаго у.)».

Иванъ Ивановичъ успѣшно окончилъ курсъ ученія въ Могилевской семинаріи въ памятномъ для Россіи 1812 году.

Первые годы по выходѣ изъ названнаго заведенія онъ служилъ сперва учителемъ въ духовныхъ училищахъ Могилевской губерніи, а затѣмъ въ нихъ же инспекторомъ.

«О начальной своей учительской службѣ въ Духовномъ вѣдомствѣ отецъ въ своей автобіографіи говоритъ такъ: «Могилевское семинарское правленіе, заботясь о приведеніи въ порядокъ духовныхъ училищъ, разстроенныхъ въ 1812 году, назначило меня въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года учителемъ высшаго отдѣленія и инспекторомъ Оршанскаго духовнаго уѣзднаго училища,

почему въ первыхъ числахъ сентября (того же года) я туда отправился и вступилъ въ дѣятельную служебную жизнь. Ровно черезъ годъ, по предложенію ректора Мстиславскаго духовнаго уѣзднаго училища, перемѣстился туда на такія же должности, оказавшіяся вакантными». Здѣсь, какъ и въ Оршѣ, онъ, между прочимъ, составилъ изъ своихъ учениковъ хоръ и училъ ихъ нотному пѣнію по методѣ Бортнянскаго. Нужно при этомъ замѣтить, что онъ порядочно игралъ на скрипкѣ».

Въ 1818 году семинарское правленіе возложило на него исправленіе ректорской должности, которую онъ исполнялъ до 1822 года. Въ этомъ же году онъ изъ Духовнаго вѣдомства перешелъ на болѣе выгодную службу въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Къ этому переходу вынудило его положеніе семейное. У него тогда было уже четверо дѣтей: одна дочь и три сына, которымъ онъ хотѣлъ дать лучшее образованіе, чѣмъ давали тогда духовныя училища, да и служба учителя министерства народнаго просвѣщенія въ то время лучше оплачивалась, чѣмъ въ духовныхъ школахъ. Ему, на первыхъ же порахъ, поручено было устроить Динабургскую гимназію. Затѣмъ онъ былъ смотрителемъ Молодеченскаго 5-ти-класснаго дворянскаго училища, и съ честью окончилъ службу смотрителемъ таковаго же Свенцянскаго училища, гдѣ онъ получилъ орденъ св. Станислава 3-й степени».

«Службу свою въ Свѣнцянахъ отецъ мой оставилъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, по слѣдующему обстоятельству: «въ концѣ августа 1843 года я былъ въ Вильнѣ и явился къ директору Скарабели. Онъ принялъ меня вѣжливо и предложилъ выпить у него чашку кофе. Но поданный мнѣ кофе былъ со сливками. Это было 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, въ который по правилу церкви, я во всю жизнь мою хранилъ постъ. Я, не обинуясь, отказался, извиняясь тѣмъ, что въ этотъ день я пощусь. Скарабели вѣрно обидѣлся, потому что уже постнаго (кофе) мнѣ не подали и потому, что, не спрося меня, въ сентябрѣ мѣсяцѣ представилъ меня по-

печителю къ отставкѣ». Объ этомъ отецъ узналъ въ слѣдующемъ году, когда попечитель, при личномъ свиданіи поздравилъ его «съ выслугою генеральскаго пенсіона» въ 600 рублей, который, по выходѣ въ отставку, онъ получалъ до самой смерти».

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ мною почтенному В. И. былъ и слѣдующій: «Что можете сказать о вліяніи вашей матери на вашего отца?» и т. д.

На этотъ довольно щекотливый вопросъ онъ чистосердечно мнѣ отвѣчалъ слѣдующее:

«Какъ не трудно мнѣ, какъ сыну, характеризовать свою мать, но скажу откровенно то, что̀ знаю. Самъ отецъ во многихъ мѣстахъ своей автобіографіи отзывается о ней, какъ о доброй женѣ и милосердой женщинѣ, чему приводитъ и примѣры. Я же могу къ этому прибавить, что она была очень бережлива, добросовѣстная жена, хорошая хозяйка-домоправительница, пожалуй, скопидомка. Закупки жизненныхъ припасовъ и предметовъ для домашняго обихода всегда дѣлалъ отецъ, а мать уже распоряжалась ими. Очевидно она выросла бѣлоручкой и вышла замужъ, будучи гувернанткой, а потому не умѣла дѣлать базарныхъ закупокъ, но семейная жизнь пріучила ее заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Вліяніе на литературную дѣятельность отца она, если и имѣла, то чисто пассивное. Помню, что она меня выучила читать, а дальнѣйшее обученіе мое производилъ отецъ, пока сталъ посылать въ училище. Вѣроятно и прочихъ своихъ дѣтей она выучила грамотѣ».

«Неожиданная отставка моего отца вызвала большое сожалѣніе какъ у его подчиненныхъ,—учащихъ и учащихся, такъ и со стороны всего свѣнцянскаго общества».

«Возвратившись на родину, онъ купилъ себѣ въ Мстиславлѣ домикъ и, какъ обыватель этого города, какъ домовладѣлецъ, онъ вскорѣ, по предложенію мѣстнаго предводителя дворянства, былъ назначенъ депутатомъ въ мѣстную квартирную коммиссію. Эта служба дала ему право на полученіе ордена св. Владиміра за 35-ти-лѣтнюю службу».

Въ часы свободные отъ лѣтнихъ занятій Иванъ Ивановичъ занимался литературой по интересовавшимъ его предметамъ. Такъ, онъ написалъ статью: «О борьбѣ благочестія съ суевѣріями и заблужденіями во времена ветхозавѣтной церкви».

«Первую мысль заняться собираніемъ матеріаловъ по бѣлорусской этнографіи подали ему бѣлорусскіе священники. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ онъ въ своей автобіографіи: «Въ праздники Рождества Христова, будучи у Ивана Максимовича (своего племянника) въ гостяхъ, я нашелъ тамъ довольно много священниковъ его благочинія, людей образованныхъ, которые, говоря о современной филологіи, всѣ совѣтовали мнѣ заняться бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, богатымъ предметомъ для разработки его. Съ этого времени я началъ собирать матеріалы для составленія словаря бѣлорусскаго нарѣчія и съ начала 1848 года положилъ начало по этому предмету». «Для успѣшнаго выполненія этого дѣла», замѣчаетъ при этомъ В. И. Носовичъ, «отецъ мой не жалѣлъ никакихъ издержекъ, ѣздилъ въ разныя, интересовавшія его бѣлорусскія мѣстности. Живя съ малыхъ лѣтъ среди сельскаго люда, хорошо зналъ какъ нарѣчіе бѣлоруссовъ, такъ и множество ихъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и т. п. Онъ зналъ и чтилъ ихъ обычаи. Помню, что когда я, бывало пріѣзжалъ на каникулы въ Мстиславъ къ родителямъ, большей частью во время *дожинокъ*, то жницы приходили къ намъ въ домъ съ вѣнками изъ ржаныхъ колосьевъ и съ жатвенными пѣснями, причемъ разъ на меня, молодого панича былъ возложенъ такой вѣнокъ. Отецъ мой зналъ очень хорошо не только текстъ пѣсенъ, но и ихъ мотивы и любилъ ихъ пѣть. Особенно восхищался онъ напѣвомъ одной пѣсни о томъ, какъ заря потеряла ключи и т. д. Жаль, что не помню ея продолженія *). Помню еще, что онъ, какъ только на-

---

*) Вотъ текстъ этой пѣсни:

Пора, жонки, домовъ ици!
Поцеряла зоря ключи,
Коло постаци идучи,
Да съ соуникомъ гуляючи,

чалъ собирать матеріалы для словаря, то всегда носилъ при себѣ тетрадку, куда немедленно вносилъ каждое новое для него слово, которое попадалось ему въ разговорѣ съ простолюдиномъ, каждую интересную пѣсню, пословицу и т. п.

Люди, болѣе или менѣе образованные, родомъ бѣлоруссы, всегда относились вполнѣ сочувственно къ этнографическимъ трудамъ моего отца, всячески способствовали ему въ этомъ. Что касается простолюдиновъ, то они простодушно сообщали ему требуемыя свѣдѣнія за чаркой ли горѣлки, за стаканомъ ли чаю, или просто по расположенію къ нему. Не помню, чтобы отецъ жаловался на тупое отнѣкиванье бѣлорусскихъ простолюдиновъ сообщать ему тотъ или другой матеріалъ народной поэзіи».

«Въ 1850 году Ив. Ив. представилъ въ II отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ: 1) краткое филологическое наблюденіе надъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, 2) Краткое собраніе бѣлорусскихъ словъ и 3) Сборникъ (до 1000) бѣлорусскихъ пословицъ, который впослѣдствіе былъ напечатанъ въ академическихъ изданіяхъ. За всѣ доставленные труды академія удостоила И. И. награды въ 150 р. Въ 1852 году имъ представленъ былъ академику Изм. Ив. Срезневскому сперва сборникъ народныхъ бѣлорусскихъ басенъ, повѣстей и былей, а вслѣдъ за тѣмъ и другой сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Но оба эти сборника Ивана Ивановича пропали и, какъ кажется, безслѣдно.

По смерти протоіерея Григоровича, занимавшагося составленіемъ областнаго бѣлорусскаго словаря для Имп. Академіи Наукъ II ея отдѣленіе и готово было предложить это дѣло моему отцу, но нѣкоторые его сочлены не рѣшались дать на это

А мѣсика гукаючи.
«А взойдзице, ясны зорки
И найдзице ключи звонки:
Пора землю одмыкаци,
Пора росу выпущаци.

Зап. И. Г. Общ. т. V. Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. Носовичемъ, стр. 95 (отд. оттиска, СПБ. 1874, стр. 51, № 9).

свое согласіе, въ виду преклонности его лѣтъ, заставившей ихъ опасаться, что ему не удастся довести этотъ трудъ до конца, почему съ предложеніемъ этой работы отдѣленіе обратилось къ молодому бѣлоруссу, г. Микуцкому. Но какъ ни горько было Ивану Ивановичу узнать это рѣшеніе Отдѣленія, однако оно не въ силахъ было погасить въ немъ неугомоннаго желанія продолжать заниматься этимъ завѣтнымъ для него дѣломъ, на которое онъ потратилъ столько труда и времени и притомъ чувствовалъ въ себѣ еще достаточно силы, чтобы довести его до желанной цѣли. Поэтому онъ не переставалъ хлопотать, чтобы Академія поручила ему этотъ трудъ. Но это однако ему не удалось. Онъ добился отъ Отдѣленія только того, что оно ему поручило составить алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ актахъ Западной Россіи, для чего оно и выслало ему и самые акты. За этотъ трудъ, надъ которымъ Ив. Ив. работалъ не менѣе пяти лѣтъ, онъ былъ награжденъ двумя стами рублями.

Наконецъ въ 1861 году, послѣ долгихъ, усиленныхъ хлопотъ Ив. Ив. удалось-таки добиться того, что Отдѣленіе предложило ему представить его бѣлорусскій словарь на конкурсъ къ полученію Демидовской преміи, которая ему и была присуждена въ размѣрѣ 714 р., съ тѣмъ, чтобы деньги эти были ему выданы только по напечатаніи всего труда. Послѣ долгихъ колебаній И. И., по совѣту одного академика, рѣшился представить свой многолѣтній трудъ въ распоряженіе академіи, которая и напечатала его на своемъ иждивеніи, выдавъ автору въ его пользу сто экземпляровъ.

Въ 1864 г. И. И. представилъ въ Имп. Геогр. Общество свой сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ (до 3000), за который удостоился получить золотую медаль, а въ 1865 г. выбранъ членомъ-сотрудникомъ этого общества по отдѣленію этнографіи. Въ этомъ же году онъ, за представленный имъ во II Отдѣленіе Имп. Академіи наукъ, на соисканіе преміи гр. Уварова, указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, имъ извлеченныхъ изъ историче-

скихъ актовъ Западной Россіи, получилъ 1500 рублей. Это же отдѣленіе выразило свое сочувствіе къ полезной дѣятельности И. И. еще и другимъ образомъ. По его представленію Государь Императоръ, во вниманіе къ ученымъ заслугамъ Носовича, всемилостивѣйше соизволилъ въ 1870 году наградить его орденомъ св. Станислава 2-й степени.

Остальную часть своей жизни Иванъ Ивановичъ провелъ въ городѣ Мстиславлѣ среди семьи младшаго своего сына, которую онъ взялъ къ себѣ въ домъ на свое попеченіе. Привыкши къ постоянному труду, онъ не въ состояніи былъ вести жизнь бездѣятельную, а потому и не переставалъ заниматься литературными трудами. Но огорченія, переносимыя имъ за пороки младшаго сына, сильно потрясли его довольно крѣпкій организмъ. Онъ сталъ быстро дряхлѣть, къ тому же неумѣренное напряженіе глазъ все болѣе и болѣе ослабляли его зрѣніе. Уже съ іюня 1876 года онъ въ письмахъ своихъ къ отсутствующимъ дѣтямъ начинаетъ жаловаться на слабость зрѣнія, но все-таки продолжалъ писать ихъ самъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ почеркъ его становился все неровнѣй и неровнѣй: то строка находитъ на строку, то попадается только начало слова, а иногда только конецъ его. Съ начала 1877 г. письма отъ него стали получать писанными уже подъ диктовку, рукой младшаго брата, только съ его собственноручной подписью. Въ иныхъ письмахъ онъ дѣлаетъ приписки, разобрать которыя было весьма трудно. Въ іюнѣ 1877 г. у Ив. Ив. начало проявляться такое ослабленіе организма, что когда онъ настойчиво пробовалъ ходить безъ посторонней помощи, то все падалъ и сильно ушибался. Въ іюлѣ у него на ногахъ стала показываться опухоль. Старецъ постепенно угасалъ и наконецъ 25-го іюля въ три часа утра означеннаго года скончался на 89 году своей жизни. Онъ похороненъ на кладбищѣ Пустынскаго монастыря. Въ похоронахъ его участвовало все Мстиславльское духовенство съ извѣстнымъ радѣтелемъ о народномъ образованіи въ краѣ,—архимандритомъ Пустынскаго монастыря, отцемъ Антоніемъ во главѣ».

Со времени смерти нашего этнографа прошло уже 23 года. Дѣло изученія бѣлорусскаго племени въ отношеніи этнографическомъ и діалектическомъ успѣло съ тѣхъ поръ шагнуть далеко впередъ. На это поприще выступила и стала дѣйствовать съ замѣчательнымъ успѣхомъ цѣлая вереница новыхъ, хорошо приготовленныхъ ретивыхъ дѣятелей, большею частью изъ мѣстныхъ уроженцевъ въ Бѣлоруссіи, которымъ, безъ сомнѣнія, приходилось нерѣдко пользоваться словаремъ Носовича, какъ необходимымъ подспорьемъ при своихъ работахъ. Однако до сего времени не слышно, чтобы кто-нибудь трудился надъ составленіемъ словаря бѣлорусскаго нарѣчія въ болѣе полномъ, болѣе согласномъ съ требованіями современной филологіи видѣ. Для этой работы въ литературѣ нашей накопилось, кажется, достаточно и сыраго, строительнаго матеріала и критическихъ указаній для его обработки, — въ трудахъ Безсонова, Потебни, Карскаго, Ляцкаго, Никифоровскаго, Романова, Апеля, Недешева, Соболевскаго и мн. др. Также ничего не слышно, чтобы кто-нибудь изъ вышеперечисленныхъ этнографовъ печаловался объ отысканіи, собираніи и обнародованіи матеріаловъ для жизнеописанія перваго бѣлорусскаго лексикографа, труженическое существованіе котораго на бѣломъ свѣтѣ прошло и имъ не въ малый прокъ. Изъ предыдущаго краткаго очерка жизни и трудовъ И. И. Носовича читатель видѣлъ, что въ рукахъ его сына Василія Ивановича, которому теперь идетъ 8-й десятокъ, находятся біографическія записки его отца. Ихъ непремѣнно слѣдовало бы издать пока еще можно. Еще въ 188... году почтенный Василій Ивановичъ читалъ мнѣ нѣкоторые отрывки изъ этихъ записокъ, которые я прослушалъ съ большимъ любопытствомъ и вынесъ такое впечатлѣніе, что въ общемъ своемъ составѣ онѣ, помимо ихъ біографическаго значенія, заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго и характернаго изъ общественной и политической жизни Бѣлоруссіи въ концѣ 18-го и первой половинѣ 19-го столѣтія. Кромѣ означенныхъ записокъ И. И. Носовича, будущему составителю его біографіи можно будетъ воспользоваться подходя-

щими къ его цѣли данными изъ переписки его со II Отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ, Этнографическимъ Отдѣленіемъ Имп. Геогр. Общества и съ недавно умершимъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ. Вся эта переписка безъ сомнѣнія хранится нерушимо, какъ въ семействѣ послѣдняго, такъ и въ архивахъ названныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ я счелъ нравственнымъ своимъ долгомъ напомнить объ этой задачѣ тѣмъ, кому болѣе всего о ней вѣдать и думать слѣдуетъ. Пора или вѣрнѣе, выражаясь по-бѣлорусски: пора еще не *перепорѣла*.

П. Шейнъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Извлечено изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 3-ой, стран. 956—968.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин. № 12).

B0000002734647